

Сказ о Марьюшке-гамаюнице

Некоторые дни из своего детства человек запоминает на всю жизнь. Их не так много, но и не мало. Тот день мне запомнился. Спустя несколько недель после окончания третьего класса, я поехала в гости к родственникам в Полевской. Из Верхних Серёг папа посадил меня в автобус, под присмотр шофёра. Дальше – «из рук в руки»: в Свердловске дядя Валера с тётёй Раей встретили, накормили-напоили, проводили до дверей автобуса, шедшего до Полевского. Не успел он к вокзалу подъехать – там уже родные встречают. Договорились, что гощу у всех: одну ночь ночую у тётёи Тани, вторую у тётёи Нади, а третью – у бабы Таси. И вот настал третий день. Ни свет ни заря – все уже на ногах. Сборы полным ходом – всю детвору везут на Азов-гору, искать потайные клады. В тех местах живут герои сказов Павла Бажова: и могучий Горный дух – Горный старец, и девка Азовка – Хозяйка медной горы или Малахитницы (там раньше шла добыча малахита). Азовку иногда ещё называют Золотой бабой, порой, Каменной девкой – хозяйкой волшебной «малахитовой шкатулки».

Приезжаем туда – счастье вольное. Баба Тася с сигнальным колокольчиком в руке на высоком видном месте расположилась, чтобы за нами присматривать, а мы – врассыпную по горе. Почти целый день, с небольшим перерывом на обед, который проходил здесь же, на горе, под шумное обсуждение находок и дальнейших планов поиска – мы ползали по скалистой поверхности, рыли подкопы под корнями деревьев, искали драгоценности и собирали красивые камешки. В каждом неожиданном звуке нам слышался голос Хозяйки Медной горы, а в дуновении ветра – дыхание Хозяина Гор. С Азов-горы я увозила, несколько красивых камешков в крепко зажатой ладони. Один из них – найденный в углублении малахит, размером в два ногтя. Эти камешки я потом хранила много лет, вплоть до переезда на Север.

Вечерний закат в тот день мы встречали уже на Думной горе. С неё хорошо просматривается и Полевской, и напротив видна Азов-гора. О Думной горе в народе сложено много легенд, согласно одной из них, стояли на ней пугачёвские атаманы и думали думы о том, как жить дальше... Вот гору и назвали Думной. Для меня она имеет особое значение – там, врезанный основанием в скалу, стоит дом моего прадеда. В Верхних Сергах прадед Иван имел крепкое подворье и мельницу, но в начале XX века попал под первую волну раскулачивания. Чудом удалось ему избежать репрессий, благодаря тому, что местный «голова» вовремя предупредил о надвигающейся беде. И, бросив хозяйство, спешно погрузив на телегу самые необходимые вещи и спящих детей-последышей, они с прабабушкой ночной дорогой ушли из посёлка. Перевалив через Шунутский хребет, дошли до Думной горы, где и решили остановиться. Сперва он смастерил избушку, чтоб ночи коротать. Позднее, выбрав подходящее место, поставил дом, основанием вставив его прямо в гору. Дом ставил крепкий, сруб без единого гвоздя возводил, до сих пор дом стоит в метрах двухстах от вершины и смотрит своими окнами на Полевской.

Отужинав у родственников в доме, возведённом руками прадеда, мы, переполненные эмоциями от событий уходящего дня, рассаживались кто в машину, кто в коляску мотоцикла. Солнышко, багровеющим шаром не спеша сползло по небосводу за вершину горы. Меня везли в небольшую однокомнатную уютную квартиру к бабе Тасе.

Наступало время сна. Но сна у меня не появлялось ни в одном глазу. Эмоции от прошедших событий бурно продолжали кипеть. Казалось бы, выбегался ребёнок, спать теперь должён, как убитый, но не тут-то было. Угломониться у меня не получалось. Язык не умолкал, а тело вертелось на диване. Баба Тася, не спеша поднявшись с кровати, стоявшей рядом, и приглушив свет настенного светильника – «ночника», осторожно

присела на краешек дивана. Поправив на мне одеяло, стала легонько поглаживать меня по волосам и полушёпотом говорить: «Вы сегодня в доме отеческом были, в доме твоего прадеда. Так я тебе сейчас сказ расскажу, как Иван с Марей поженились. Вот, слушай...» И начала рассказывать. Конечно, дословно я тот рассказ не помню. Кое-что привру сейчас. Но саму суть рассказа бабы Таси и манеру её речи точно передам.

– Жила-была Марьюшка-гамаюница красавица – кровь с молоком. Пришло ей время замуж выходить. Женихи сватов засылать стали, сами со сватами к воротам идут. И местные, и не местные. Да только Марьюшке никто не глянется. То с лица не мил, то с кости, то с роду негод. Сама-то она была из рода великого. Про то до-о-лго рассказывать – то отдельный сказ. И была она из племени гамаюнов. Их сам священный Гамаюн – птица вещая хранит, под своим крылом от самых корней держит. И что такое? Год проходит, второй... А женихи всё ни к сердцу идут, всё ни ко двору. Соседи уж поговаривать стали, мол, пошто таких орлов не солоно хлебавши от ворот спроваживаете? Нечего согласия от дочери ожидать, пусть отец сам сговаривается и безо всякого девичьего согласия отдаёт. А отцу жаль силком дочь отдавать.

Тут матушка слово своё взяла. Многое она знала, не только травы. Травами у нас и сейчас мои ровесницы через одну знахают, а она-то по боле ведала. Велела она дочери к Макоши идти. Сходила Марьюшка на означенном месте помолилась. Взяла свечку новую, парного молочка вечернего, яичко свежее ровное, да три клубочка небольших пряжи: белую как ясный день, красную как солнышко раскалиённое, тёмную как чёрная ночка летняя. И блюдечко взяла серебряное, такое, как ты у меня вон в том, угловом, шкафчике видела. Всё это в туюсок оберёжный уложила, дождалась вечера и пошла по Серге вверх, нашла на берегу реки местечко укромное, лентой-оберегом волосы по вискам покрыла, разместила всё как матушка её научила и свечу зажгла. Луна в полную силу вошла. В воде отразилась. Марьюшка молитву свершила. Помнишь рассказывала, как в прошлом году тебя к святому источнику у Шунут-камня через Миляев-бугор водили, бабу Дусю Карпову с собой брали, она учила тебя шёпотом пропевать песнь молитвенную – так вот ту самую молитву. Пропела она, значит, тихонечко молитву, положила яичко на блюдечко и, словно яблочко, его посолонь – по солнышку левой рукой, которой ты кушать любишь, катать начала. Семь раз по кольцу повела. Сколько дней в неделе, сколько небес до счастья – столько и повела. Да тихо-тихо приговаривает: «Кручу-верчу, яйцо качу, да по блюдцу раскачу. Лихое да плохое всё со себя соберу в яйцо заключу, с себя сорву». Седьмой круг завершила, приподняла резко, да и прямо об центр блюдца яйцо хлопнула – разбила, приговорив: «Яйцо разбиваю, лихое да плохое всё разрушаю, Кощея побеждаю!» Выдохнула.

Луна как желток яичный загустела. Сочно на небе заговорила. Над водой камушком повисла – в реке отраженье не дрогнет. Течение остановилась. Похолодел воздух.

Повернулась Марья к крынке с молоком. Той же рукою над ним посолонь повела, пропевая: «Бел-горюч Камень-Алатырь, силою твоей волей каленой бело молоко жизнь омолодит, жизнь заговорит, речкою зажурчит, радость принесёт, счастье полное, Долю с Удачею, да во Славу Божию пью бело молоко, жизнь первозданную, чистую, первородную!» И выпила всё до доньшка, до капельки.

Луна в небе побелела, почти до бела раскалилась. Звёзды по небесному своду рассыпались. А звёзд – не счесть. Взглянешь в небо – утонуть можно. Красота! Тайнственно светло в небе стало. Тайнственно светло на земле.

Взяла Марьюшка в руки белый клубочек пряжи, светлый как ясный день. Завязала первый узелочек, трижды прошептала: «Макошь, Матушка великая! Макошь, Матушка родная, меня не забывай, не оставляй, будь рядышком со мною». Второй вяжет, да опять трижды приговаривает: «Макошь-Матушка, обо мне не забывай, судьбу счастливую плети и на день, и на два, и на три вперёд; и на год, и на два, и на три вперёд». Третий вяжет: «Узел крепкий-кованый – узел изобилия и богатства; узел крепкий-могучий – узел верной удачи». Сделала и рядышком клубочек положила.

Красную пряжу в руки взяла. Стала красный узелок вязать, оберёжный, трижды заговорённый: «Судьба моя рódная – судьба моя счастливая. Судьба моя светлая – судьба моя удачная». Второй вяжет, при приговаривает: «Судьба моя рódная – судьба моя богатая. Судьба моя добрая – судьба моя красивая». Третий вяжет: «Пребывают любовь и удача во всём, мне в делах повезёт, и в любви повезёт, день за днём и всегда-всегда-всегда». Вдохнула сладко.

Покойно кругом. Речка журчит потихоньку, тоже, видать, земле что-то своё пришёптывает, рассказывает. Земля всё слышит.

Взяла Марьюшка чёрную пряжу, как ночь, не нынешняя, а безлунная, беззвёздная. И опять вяжет тёмный узелок, пришёптывает: «Вороги не рядом не близко, а далеко от меня». Один завязала, второй ловко делает. «Всё лихое да неладное мне не по пути, всё плохое стороной меня обойдет» – говорит. Второй сделала, третий заговаривает: «Все беды стороной меня обошли, обо мне забыли».

Все три ниточки от клубков оторвала. Выдохнула.

А свеча горит. Воск тает. Пламя как живое – пляшет. Огонь – он всё понимает. Каждую душу чует. Живёт она – горит, или тлеет, али совсем выгорела.

Взяла Марья все три нити в руки, да и связала их меж собой. Связывает, а сама, как ей было велено, пришёптывает: «Судьба Макошь-Матушка, три нити, ведущие меня, крепко сцеплены, крепко держаться друг с другом, неразрывно сплелись, ткнут-плетут судьбу мою, ткнут-вяжут судьбу мою, жизнь в узлах».

Выхватила нож острый кованый из-за пояса, со словами твёрдыми: «Пробил сей час. Отсекай, избави мя, Макошь, от тёмной нити судьбы» – с маху нить чёрную отсекала лезвием ножа острого. И трижды приговорив: «Всё недоброе, плохое с нитью чёрною уходит, меня оставляет, и навеки забывает» – отдала нить ту пламени свечи. Нить вспыхнула. Сгорает. А Марьюшка добавляет: «И встречает меня Судьба – Макошь-Матушка!»

Остаток-хвостик чёрной ниточки изловчилась, выдернула и на блюде бросила. Подняла блюдо с земли, к воде близко подошла да через ямку-подкоп выплеснула, блюде водою проточной омыла. Ямку землёй свежей закидала, сровняла, схоронила – и концы в воду. А сама к горящей свече вернулась. Заново ту, первую молитву свершила. И только последние слова сказала – напал на неё сон. Раскинулась она прямо среди трав ночных и уснула.

Сон на неё сама Макошь напустила. Думу она свою думала. Смотрела. Взвешивала. С такими делами, с какими прабабушка твоя к Макошь пришла шутить нельзя. Можно и не вернуться. Только по очень большой надобности обращаются. Да и то Макошь думать будет. От сердца ли? Для добра ли? Не во вред ли кому?

Долго ли коротко спала Марьюшка, открывает глаза, а солнышко уже над лесом возшло. Птицы поют. Вода не журчит в реке, а звенит-заливается. Поднялась она, в речной утренней воде выкупалась и домой поспешила.

Месяц проходит, другой пошёл. Иванов день настал. Кто в этот день в Сергах сухим останется? Никто. Всех с головы до ног водой окатят. Встала Марьюшка, вышла за ограду. Сколь она от ворот отошла? Далёко ли? А там уже веселье от восхода солнца. Вода – рекой льётся. Визг девичий такой стоит, что во всех дворах окраинных слышать. Вот её, девоньку, кто-то сзади колодезной водой и окатил от души. – Та ахнула. Голову-то повернула, а там парень уж за вторым ведром полнёхоньким потянулся. Взгляд Марьюшкин поймал, да так и застыл – ни ведра приподнять, ни с места сдвинуться. Она ведро у него враз выхватила, и в отместку на его отчаянную голову опрокинула. Развернулась да пошла. А парень-то – сокол! Так в душу запал, что хоть калёным железом выжигай – не вытравишь. У того тоже положение не лучше. Не ест, не пьёт, на стройку свою забился и колотит там, как чумной, с утра до ночи. Дом свой достраивает. Неделя-другая идёт. Матушки почуяли неладное. Давай потихоньку к детям подбираться, расспрашивать: что да как? Но там бесполезно – хлеще белорусских партизанов – не

добьёшься. Только от наших матушек далёко-то не скроешься – выведут на чистую воду. Прознали. Кто? Ах, вот кто – Ванюша Карпов! Добрый молодец! Но не из гамаюнов он – из кержаков. Что делать? Да и Ванюшины батюшка с матушкой призадумались: хороша Марьюшка, да сколько уж сватов к воротам тропы торили, а без толку. Но сокол – он и есть сокол. Не выдержал в один из дней – на коня и к Марьиным воротам. В дом вошёл и вопрос ребром: либо со мной сейчас едет и свадьбу справляем, либо с этого места не сойду, пока не согласится. Ну, тут уж всё – свадьбу сыграли. Всю жизнь душа в душу прожили. Люди в округе цветком их называли. Их ли, детей ли, внуков завидят: Вот, говорят, расцвёл цвет огненный – цветёт Иван да Марья. Вместе и ушли. На полдня прадед твой жену пережил. Ни дня на этом свете без неё не выдержал. Вот уж Макошь как свяжет, так свяжет – никакой силе не развязать.

2012 г.